

A black and white photograph of Alexander Etkind, a man with a shaved head, smiling and sitting at a desk. He is wearing a dark suit, a white shirt, and a dark tie with a large, light-colored floral boutonniere on his lapel. His hands are clasped on the desk. On the desk in front of him are several items: a glass ashtray with a lit cigarette, a glass of water, and some papers. Behind him is a large framed portrait of a man, and two smaller framed portraits on either side. The background wall has a textured, patterned wallpaper.

Александр Эткинд

МИР МОГ БЫТЬ ДРУГИМ

УИЛЬЯМ БУЛЛИТ

в попытках изменить XX век

LIFE

Александр Эткинд
Мир мог быть другим.
Уильям Буллит в попытках
изменить XX век
Серия «Диалог (Время)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9243468

Мир мог быть другим: Уильям Буллит в попытках изменить: Время;

Москва; 2015

ISBN 978-5-9691-1348-0, 978-5-9691-1277-3

Аннотация

Уильям Буллит был послом Соединенных Штатов в Советском Союзе и Франции. А еще подлинным космополитом, автором двух романов, знатоком американской политики, российской истории и французского высшего света. Друг Фрейда, Буллит написал вместе с ним сенсационную биографию президента Вильсона. Как дипломат Буллит вел переговоры с Лениным и Сталиным, Черчиллем и Герингом. Его план расчленения России принял Ленин, но не одобрил Вильсон. Его план строительства американского посольства на Воробьевых горах сначала поддержал, а потом закрыл Сталин. Все же Буллит сумел освоить Спасо-Хаус и устроить там прием, описанный

Булгаковым как бал у Сатаны; Воланд в «Мастере и Маргарите» написан как благодарный портрет Буллита. Первый американский посол в советской Москве крутил романы с балеринами Большого театра и учил конному поло красных кавалеристов, а веселая русская жизнь разрушила его помолвку с личной секретаршей Рузвельта. Он окончил войну майором французской армии, а его ученики возглавили американскую дипломатию в годы холодной войны. Книга основана на архивных документах из личного фонда Буллита в Йейльском университете, многие из которых впервые используются в литературе.

Содержание

Введение	6
Глава 1	12
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Эткинд

Мир мог быть другим

**Уильям Буллит в попытках
изменить XX век**

© Александр Эткинд, 2015

© Валерий Калныньш, оформление, 2015

© «Время», 2015

В оформлении использована фотография «Уильям Буллит – Посол США во Франции (журнал Life)»

* * *

Введение

Это книга о человеке, который понимал, как устроен мир и куда он движется через XX век. Надеясь спасти мир, он пытался передать свое знание самым могущественным людям его времени. Но те ценили в нем качества светского человека, а не пророка. Когда он настаивал на своем, карьера его обрывалась. Так происходило не раз, и обычно он оказывался прав, но это уже оказывалось интересно только историкам, да и им не очень.

Все же американский журналист, дипломат и писатель Уильям Кристиан Буллит сделал большую карьеру. Он был участником Американской делегации на Парижской мирной конференции (1918), послом Соединенных Штатов в Советском Союзе (1933–1936) и Франции (1936–1940), специальным представителем Президента США на Ближнем Востоке (1940). Он не занял высших постов, на которые рассчитывал, в американском правительстве военного времени, но был счастлив, когда надел военную форму. Только это была не американская форма. В годы Второй мировой войны он стал майором французской армии, и именно это считал вершиной своей карьеры.

Рано облысевший, тщательно одетый, позировавший с широкой улыбкой, на фотографиях Буллит кажется обычным американцем, олицетворением успеха. Но вице-прези-

дент США Генри Уоллес характеризовал его как «необыкновенно притягательную личность». Уоллеса – провинциального политика левых убеждений – поражало, как много Буллит путешествовал по свету, знал толк в изысканных развлечениях, остроумной беседе и всегда «имел огромный запас разных анекдотических историй [...] о многих знаменитых людях за границей»^{1}.

Сотрудник Буллита в Москве, трезвый дипломат Чарльз Боулен писал о нем как о человеке, способном излучать сияние, причем сияние это он контролировал – мог включать и выключать, когда хотел^{2}. Другой бывший сотрудник Буллита, дипломат и историк Джордж Кеннан отмечал его уверенность в себе, необыкновенную быстроту реакции и вместе с тем эгоцентричность и высокомерие. Кеннан суммировал эти качества в понятии «опасной свободы»: то была свобода человека, который «никогда не подчинял свою жизнь потребностям другого человеческого существа»^{3}. Для Кеннана Буллит был «кем-то вроде духовного царя Мидаса: все свои золотые качества он превращал в камень, потому что никогда никого не любил так, как любил са-

^{1} Reminiscences of H. A. Wallace, kept in the Office of Oral History of Columbia University, p. 1677.

^{2} Charles Bohlen. Witness to History, 1929–1969. New York: Norton, 1973, 20.

^{3} George F. Kennan. Introduction to: Orville H. Bullitt. For the President. Personal and Secret. Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Ed. by Orville H. Bullitt. New York: Houghton, 1972 (далее цитируется как FTP), XV.

мого себя». Обязанный Буллит у карьерой, но поссорившийся с ним в конце жизни, Кеннан писал о нем как о блестящем, но несчастном человеке. Великий эгоист, по словам Кеннана, но и великий энтузиаст – отмечал он в Буллите и куда более редкую черту. С неожиданной страстью Кеннан писал, что Буллит «вливал свой энтузиазм слишком быстро, слишком избыточно и нетерпеливо в сосуды слишком узкие, чтобы принять его энергию». В итоге Буллит оказался человеком, не вполне востребованным своим временем: он «давал жизни больше, чем та была готова от него взять», и «заслужил от своей страны больше, чем получил»^[4]. Еще он обладал редким для его круга качеством: был совершенно чужд снобизма. «Он чувствовал презрение к своему классу, которое мог испытывать только тот, кто ясно сознавал принадлежность к нему и потому был свободен от зависти или чувства неполноценности», писал о нем Кеннан^[5].

Человек больших амбиций, громких скандалов и горьких разочарований, Билл – как называли его и друзья, и враги – прожил большую часть жизни частным лицом. Критический анализ настоящего и горькие предсказания будущего он чаще излагал публичным языком свободного интеллектуала, чем придворным словом высокого чиновника. Дважды разведенный холостяк, он культивировал очень личные отноше-

^[4] Through the History of the Cold War. The Correspondence between George F. Kennan and John Lucacs. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2010, 71.

^[5] Ibid.

ния со знаменитостями от Ленина до Рузвельта и от Фрейда до Булгакова. Просвещенный либерал, а в конце жизни консерватор, он увлекался левыми идеями, столь важными для его времени, и страстно преодолевал их соблазны. Самый космополитичный из американских политиков XX века, он необычно хорошо говорил на европейских языках, путешествовал по Азии и подолгу жил в Европе. При этом он был искренним патриотом Америки, который верил в превосходство ее ценностей и в то, что со временем весь мир последует ее примеру. Человек мира, обожавший Францию, не любивший Англию и раньше других понявший значение Китая, он всю жизнь занимался Россией. Практиковавший реальную политику, он часто писал об упущенных возможностях, которые могли бы изменить мир, каким он его знал и который нравился ему все меньше.

Революционные идеи никогда не были близки Булиту, но во время Первой мировой войны он понял, что крах старых режимов в Европе неминуем. Пережив два периода бурной активности при двух демократических администрациях, Вильсона и Рузвельта, Буллит каждый раз оказывался левее своих высоких начальников. Давно замечено, что закончив войну, победители подражают побежденным. После Первой мировой войны в Америке развивалось социалистическое движение, которое пришло туда из проигравших войну стран Центральной Европы. Буллит был ранним сторонником этого движения; Лев Троцкий называл таких лю-

дей попутчиками, и с его легкой руки аналогичное понятие (fellow-traveller) вошло в американскую политическую речь. Как и многие американцы, Буллит сочувствовал русской революции; чтобы разочароваться в этом «провалившемся божестве», Буллиту понадобился личный опыт жизни в Москве, которого не было тогда у множества западных «попутчиков». Личное знакомство с практикой социалистического строительства превратило его в консерватора, сторонника ядерного сдерживания и ястреба Холодной войны. Эта история очарования социалистической теорией, а потом мучительных сравнений ее с реальностью советской жизни – один из центральных, типических сюжетов XX века.

Самым необычным способом Буллит соединил два великих идейных наследства, американский либерализм с европейским космополитизмом. И еще в нем была особенная тайна, энергия, чертовщина. В отличие от того, что обычно думают о либералах, он совсем не был склонен к компромиссам. Обладавший редким даром дружбы, он бывал нетерпим к окружающим и умел расставаться с людьми, даже когда от них зависел. В конце концов он оказался правее либерального мейнстрима и кончил свою карьеру в горьком одиночестве. И, конечно, он всегда был предметом светских сплетен и политических слухов. Брат Буллита писал, что Билл был, «конечно, спорной личностью»: о нем говорили «то как о большевике, то как о фашисте», то как о поджигателе войны, то наоборот, как о слишком гибком полити-

ке, готовом на уступки^[6]. На деле, вспоминал брат, «Биллу было присуще уважение к правам человека, а также сильное отвращение к косности господствующего класса».

Войны ведут солдаты, но заканчивают их люди в штатском, которые за столом переговоров увенчивают или, наоборот, зачеркивают работу военных. Историком интересны те и другие, но героизм личного действия – кульминацию почти любой биографии – легче разглядеть в пыли сражений, чем в роскоши залов заседаний. Буллит знал толк и в роскоши; но где бы ни застал его XX век, он мыслью и словом опережал своих высокопоставленных друзей, и этого они не прощали. Все же Буллиту удалось повлиять на ключевые решения, принятые американской администрацией между двумя мировыми войнами. Роль его учеников и не всегда верных ему последователей была определяющей в начале следующей, предсказанной им Холодной войны. Он умер в любимом им Париже, но похоронен в родной ему Филадельфии. Так и после смерти проявилась его особенная способность сочетать космополитизм с патриотизмом.

[6] Orville H. Bullitt. For the President. Personal and Secret. With an Introduction by George F. Kennan. Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Ed. by Orville H. Bullitt. New York, Boston: Houghton, 1972 (далее цитируется как FTP), XI.

Глава 1

Мир до войны

Родившийся в 1891 году, Буллит принадлежал к филладельфийской семье из тех, которые в Америке называют аристократическими: его предки по отцу были гугенотами, по матери евреями, но и те и другие оказались среди ранних поселенцев на Восточном берегу. Предок Билла со стороны отца, Жозеф Буле, прибыл в Мэриленд из Франции в 1685 году; он англизировал свое имя, и так появилась фамилия Буллит. Через несколько поколений его потомок, дед Билла, написал городской устав Филадельфии. Предок со стороны матери, берлинский еврей Джонатан Хорвитц, прибыв в Америку около 1710 года, крестился в епископальной церкви, закончил университет Пенсильвании и стал врачом; его потомки тоже становились врачами. Отец Буллита, потомок гугенотов, занимался обычным для филладельфийской элиты бизнесом: поставлял уголь пенсильванских шахт военному флоту и трансатлантическим пароходным компаниям. Семейные традиции смешивались, и мать Билла говорила с сыновьями по-французски. Летом они плавали в Европу; тогда юный Буллит узнал, «как выглядят и как пахнут разные народы и страны. Мне нравились все европейские государства, но я считал их ниже Соединенных Штатов.

Чем больше я путешествовал за границей, тем больше я становился неисправимым американцем». Любимое его развлечение в детстве тоже было самым американским: стрелять уток с отцом; потом отец стал учить его боксу. В доме были верховые лошади и рысаки.

Боготворимый отец умер рано, а отношения с матерью десятилетиями оставались очень близкими; когда взрослый Буллит бывал в Америке, она часто и подолгу гостила у него. «Она не хотела быть никем, кроме хорошей жены и хорошей матери», с гордостью писал Буллит, всю жизнь придерживавшийся самых традиционных представлений о женщинах. В старости он писал, что не мог представить себе лучших родителей и более счастливого детства.

Семья была религиозной и передала ему свою веру; переданся ему и искренний патриотизм этих нетитулованных аристократов, которым было за что любить свою страну. В незаконченных воспоминаниях Буллит рассказывал, как в Филадельфии гулял с отцом перед зданием, где была подписана декларация Независимости. Отец снимал шляпу перед колоколом Свободы и рассказывал сыну, как здесь гуляли когда-то Вашингтон и Джефферсон. Как писал Буллит, «отец заставил меня почувствовать, что моя страна это моя страна в том же смысле, в каком моя рука это моя рука. Я часть моей страны, и страна часть меня. Я отвечаю за ее безопасность и за то, что она делает». Сорок лет спустя, добавлял Буллит, он что-то подобное сказал Рузвельту, а тот

ответил: «Но ведь эта страна и моя тоже». И оба хохотали⁽⁷⁾.

Билл получил юридическое образование в Йейле, питомнике политической и финансовой элиты. Он избежал членства в знаменитом мужском клубе «Череп и кости», но стал президентом Драматического клуба Йейла. Он и сам играл на сцене, причем непростые роли. Четвертого июня 1910 года «Нью-Йорк Таймс» сообщала, что Драматическая ассоциация Йейла показала спектакль в бальной зале «Уолдорф-Астории»; особым успехом у зрителей пользовался Уильям Буллит, исполнявший женскую роль. В воспоминаниях Буллит подробно рассказывает о социальной стороне университетской жизни и почти не упоминает ее академическую сторону. Его интересовали европейские языки; лето 1909-го он провел в Мюнхене, изучая немецкий. В отличие от сокурсников, финансами он не увлекался. «Я совсем не был пуританином и потому не рассматривал деньги как что-то важное; из-за этого я искренне презирал то, чему меня учили».

Больше всего ему запомнились курс английской поэзии, который читал молодой Чонси Тинкер, ставший потом знаменитым специалистом по Босуэллу; курс социологии Альберта Келлера, этнографа, исследовавшего «социальную эволюцию» в колониях (в Йейле социологию начали читать

⁽⁷⁾ Документы Буллита в Библиотеке Стерлинга Йейльского университета (ВС) здесь и далее цитируются по номеру фонда, серии, ящика, папки: 112/III/141/103.

раньше, чем где-либо в англоязычном мире); и курс психологии, его читал Росуэлл Анджиер, слушавший лекции Фрейда в Университете Кларка в Массачусетсе (1909). От Анджиера Буллит впервые узнал о психоанализе, и это заинтересовало его настолько, что он собирался стать психологом, а потом подружился с Фрейдом. Европейскую историю ему преподавал молодой Чарльз Сеймур, который впоследствии вместе с Буллитом примет участие в Парижской мирной конференции, издаст бумаги полковника Хауса и станет президентом Йейльского университета (1937–1951). Закончив Йейль в 1913-м, Билл поступил в гарвардскую Школу права и поучился еще год, но магистратуру не окончил. Атмосфера там показалась ему «циничной»; когда профессорам задавали вопросы о справедливости, те советовали обратиться в соседнюю Школу теологии. Как и его герой тех лет, профессор политической истории Вудро Вильсон, ставший президентом Принстона, а затем и президентом США, Буллит не доверял юристам, предпочитая им интеллектуалов другого, менее циничного склада.

В студенческие годы у Буллита начались проблемы со здоровьем, которые знаменитый английский доктор неверно диагностировал как аппендицит. После операции образовывались спайки, которые приходилось периодически удалять, и так продолжалось до 1920-го, когда здоровье вернулось к молодому Буллиту. В связи с этими спайками и операциями он избежал участия в европейской войне, о чем потом

жалел.

В марте 1914 года умер его отец, а мать предприняла большое европейское путешествие, чтобы справиться с горем; доктора советовали ей съездить в места, в которых она не бывала с мужем. Так, сопровождая мать в ее траурном путешествии, Билл впервые попал в Россию. Они оказались в Москве 28 июля, когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии и началось то, что войдет в историю как Первая мировая война. Остановившись в Национале, они слышали, как толпа, выходя с Красной площади на Тверскую, скандировала: «Война! Долой Австрию! Да здравствует Сербия!». То был, писал потом Буллит, колокольный звон по мирному времени, в котором прошла его юность. Они уехали домой, успев сесть на последний поезд в Берлин.

Считалось, что филладельфийские Буллиты были богаты; о них даже писали как об одной из самых богатых американских семей. Брат Билла, Орвилл Буллит рассказывал, что наследство принесло каждому из них по 6 000 долларов годовой ренты. Это было неплохо для времен, когда заработок начинающего журналиста в Филадельфии составлял сто долларов в месяц; но это не было богатством. К деньгам Билл относился скорее как европейский аристократ: о зарботке не думал, инвестициями не занимался, публично сорил деньгами, давая приемы, а в общем жил, по представлениям брата, скромно. Его финансовые дела всегда были тайной, и его друзья нередко обсуждали их за его спиной. Даже

его вторая жена, Луиза Брайант, писала о его богатстве, оговаривая при этом, что не знает его размеров и источников. На деле, Билл и Орвилл унаследовали от деда и потом отца довольно скромные суммы. Билл не хотел заниматься денежными делами, и Орвилл управлял его наследством в его интересах. Сорить же деньгами он любил, и Орвилл пытался его сдерживать, обычно без успеха. Очевидно, Билл зависел от работы и зарплаты, которая в его журналистские годы не была значительной. Его богатство стало ролью, которую успешно играл этот человек, и мифом, который он создавал. Хотя он любил тратить деньги, он всю жизнь работал, а если не работал, то уходил в тень, жил скромно и, кажется, умел этим гордиться.

Начав профессиональную жизнь с журналистики, Буллит выработал быструю, очень американскую манеру письма, характеризующуюся в его случае цепкостью к деталям, опасной склонностью к резким, оценочным суждениям о настоящем, а еще необычной любовью к рассуждениям о будущем. К своим текстам он всю жизнь относился профессионально: тщательно редактировал их, аккуратно хранил рукописи в разных вариантах, собирал рецензии и вырезки. Сам он опубликовал один роман: «Это не сделано», но еще один вполне законченный роман и несколько пьес остались неопубликованными. К его произведениям относились по-разному: одни видели в его книгах, статьях или письмах пронизательный политический анализ, другие искали в них про-

рочества о будущем, третьи замечали в них паникерство, сплетни, разжигание конфликтов и не любили их за это.

Первую работу он нашел в Филадельфии, в солидной городской газете «Public Ledger», и уже через год стал там заместителем главного редактора. В этом успехе наверняка сыграли роль семейные связи, позднее описанные им в романе «Это не сделано»: там всемогущий родственник, владелец пенсильванских шахт и главный акционер городской газеты устраивает в газету молодого журналиста и сам же увольняет его годы спустя, когда редактор перестает слушать хозяина.

В качестве корреспондента филадельфийской газеты Буллит принял участие в знаменитом плавании в Европу Генри Форда, чудаковатого миллионера с необычными идеями о переустройстве мира. Арендовав океанский лайнер и назвав его «Кораблем мира», Форд поплыл в Европу посредничать между воюющими странами, набрав себе в помощь толпу интеллектуалов. Перед отплытием он встретился с президентом Вильсоном, который поддержал его безоговорочный пацифизм. Но когда фордовский корабль мира оказался уже посреди океана, Вильсон призвал Америку усилить военные приготовления. Тем временем Форд, обещавший «вытащить парней из окопов» средствами публичной дипломатии, рассылал с корабля телеграммы на многих языках, в которых призывал солдат воюющих сторон к всеобщей стачке, назначенной на приближавшееся Рождество 1915 года.

Буллит хорошо проводил время и почти ежедневно по те-

леграфу слал с судна в океане фельетоны, которые газеты печатали на первых страницах. За тринадцать дней плавания на «корабле мира» установилась атмосфера, которую участники сравнивали с бродячим цирком. В одном из ироничных репортажей с фордовского корабля Буллит рассказывал, как перед отправлением Форд предлагал Эдисону миллион долларов, если он примет участие в плавании, а тот все равно отказался. Но тут была известная красавица Инез Милхолланд, ставшая потом воинствующей феминисткой.

Активисты не могли договориться ни о войне, ни о мире, ни даже об общих текстах. Обиженный на всех Форд почти не выходил из каюты. Журналисты организовали на борту «Клуб викингов» (корабль плыл в Норвегию) и, развлекаясь за счет Форда, высмеивали его начинание. Буллит писал, к примеру, о надеждах Форда на то, что рыдания и поцелуи «пилигримов» с его корабля убедят немцев уйти из Бельгии. Прибыв в Осло, «Корабль мира» бесславно закончил свою миссию; пресса назвала его «Кораблем дураков»^{8}.

В феврале 1916 года Буллит вернулся в Штаты и сразу сыграл свадьбу. Его женой стала Эрнеста Дринкер, тоже из старого филадельфийского рода: ее предки, квакеры, были одной из первых семей в колонии Уильяма Пенна. Дочка президента солидного университета Лехай, известная в городе красавица и сравнительно образованная дама, она учи-

^{8} Steven Watts. *The People's Tycoon: Henry Ford and the American Century*. London: Vintage, 2007, 228–240.

лась социологии и экономике в Сорбонне и в Радклиффе, женском колледже Гарварда, хотя и не закончила их. Говорили, что до того, как принять предложение Буллита, она отвергла пятьдесят других предложений, а потом перестала считать^[9]. На медовый месяц новобрачные отплыли в воюющую, разоренную Европу: это было вполне в духе Буллита. С собой они взяли недавно обретенные паспорта; страны, воевавшие в Европе, сделали их обязательными для иностранцев в 1914 году, а в Америке паспорта для приезжих введут только во время Второй мировой войны, с 1941 года. Еще они захватили с собой 89 рекомендательных писем.

В конце мая 1916-го они прибыли в Берлин, где Буллит брал интервью у дипломатов и военных; потом они съездили в оккупированную Бельгию, а затем в союзную с Германией Австро-Венгрию. Члены берлинского кабинета охотно давали интервью редкому американскому корреспонденту. Америка еще не участвовала в войне, но война подводных лодок в Атлантике шла полным ходом. На немецкие атаки британских судов, с которыми гибли и американские граждане, администрация Вильсона отвечала все более гневной риторикой, за которой стояла подготовка к войне. Имперское правительство в Берлине и боялось вступления Америки в войну, и провоцировало его, пытаясь остановить бри-

^[9] Michael Casella-Blackburn. *The Donkey, the Carrot, and the Club*. William C. Bullitt and Soviet-American Relations, 1917–1948. Praeger: Westport, Conn.: 2004, 13.

танские конвои.

Много путешествуя, Буллит не вел дневников и не публиковал путевые записки; интересно, что обе его жены делали это с большой охотой. Эрнеста Дринкер написала о совместных с Биллом приключениях в Центральной Европе свежую, интересную книгу. Основанная на дневнике, который Эрнеста вела во время путешествия, ее книга 1917 года документирует не только сложное положение Германии и Австро-Венгрии, но и отличную литературную подготовку избранных американок высшего класса. В предисловии Эрнеста рассказывает о своей прапрабабушке и о том, как та вела дневник во время Американской революции и как любили в семье его читать. Публикуя свой дневник «для собственных праправнучек», Эрнеста более всего интересовалась «женским вопросом». В военных условиях женская занятость в Германии многократно возросла, и это поразило молодую американку. Женщины работали на заводах и шахтах, куда их раньше не допускали. Интервьюируя лидеров женского движения в Берлине, Эрнеста пыталась понять, как массовая занятость меняет положение женщин в семье и обществе. Делая ту же работу, женщины зарабатывали меньше мужчин, сообщает Дринкер; впрочем, все работницы были новичками, так что это, возможно, справедливо, добавляет она. В Германии были уже введены декретные отпуска, вместе с тем женщины не имели права голоса. Правительство субсидировало бесплатные родильные дома и дет-

ские сады; существовала огромная сеть дешевых столовых для бедных. Школы были отдельными, но в связи с войной женщины получили право преподавать в мужских гимназиях. Для американцев все эти формы социального государства были неслыханным открытием, олицетворявшим саму современность. Они отмечали как положительное явление то, что государство, даже ведя войну, оказывает помощь детям, женщинам, бедным, развиваясь без внутривластного конфликта – революции, сохраняя при этом привилегии прусской аристократии. Позже Буллит сравнит свои немецкие впечатления 1916 года с разорением, которое он увидит в воевавшей Франции, и с революцией в России; эти наблюдения наверняка оказались важными для будущего сторонника Нового курса.

В 1916 и 1917 годах «Philadelphia Ledger» регулярно печатала большие, на разворот, статьи Буллита, которые он присылал из Германии: об отношении берлинцев к американцам, об атмосфере в столице, карточках на еду и системе социальной помощи; о вероятном вступлении Голландии в войну, о ее армии и о возможности использовать каналы и насыпи для обороны; о том, что кайзер в декабре 1917-го намерен приплыть в Америку на мирную конференцию; о состоянии германской экономики, о берлинской бирже, банках и банкирах; и наконец, о восточном фронте, который Буллит повидал с запада, из Германии. В сентябре 1916 года армейская машина доставила его из Берлина на 500 миль

к востоку, к Ковно; здесь, среди разоренных еврейских местечек, шли бои с российской армией. Он разговаривал там с офицерами, слышал падающие снаряды, видел кавалерийский парад прусских гусар и с аэроплана обозревал линии русских окопов. Их самолет обстреляли, что стало для Билла первым военным опытом; в общем, он «отлично провел время», записывала с его слов Эрнеста. Немцы были невысокого мнения о российской дисциплине, но фронт здесь долго уже стоял на месте. Филадельфийская газета печатала репортажи Буллита в том виде, как они дошли, пройдя немецкую цензуру; там, где цензор вычеркивал слова и пассажи, стояли звездочки, хорошо заметные читателям газеты.

В Берлине Буллит провел много часов в разговорах с Вальтером Ратенау, крупным промышленником, который станет министром иностранных дел Веймарской Германии и будет убит на этом посту в 1922 году. В своем интервью Ратенау верно предсказывал, что война закончится через два года, в 1918-м, но не предвидел революции в России. Он не надеялся на территориальные приобретения в Европе, но рассчитывал, что Германии отойдет часть бельгийских колоний в Африке. В правительстве он с начала войны отвечал за распределение естественных ресурсов – угля, руды, нефти; британская блокада на морях отрезала Германию от многих поставщиков. Ратенау впервые ввел статистический учет и планирование ресурсов, запретив использовать их для невоенных целей.

Буллит предсказал, что русское наступление захлебнется, что и случилось. Интервьюируя одного из высших руководителей Германской империи (Эрнеста не сообщает его имени), Буллит спросил его, готов ли был бы он в обмен на сепаратный мир с Россией отдать ей Константинополь. «Да», – ответил тот. «Но турки вряд ли согласятся с этим планом», – резонно возразил Буллит. «Ничего страшного, – сказал германский собеседник. – Стоит нам опубликовать полную информацию об армянской резне, и немецкое общественное мнение будет так настроено против турок, что мы сможем выйти из союза с ними».

Эрнеста писала: «Быть военным корреспондентом довольно приятное занятие. Ты ведешь шикарную жизнь, как гость правительства; ты ужинаешь и выпиваешь с генералами... Для тебя устраивают парады и кавалерийские маневры... Одно плохо: если ты написал для своей газеты о войне что-то интересное и необычное, цензура не даст это напечатать». Видимо, она имела в виду германскую цензуру, с которой аккредитованные корреспонденты должны были согласовывать репортажи. Собственную книгу Эрнеста с гордостью назвала «Неподцензурным дневником». В общем, молодоженам скорее нравились немцы; впрочем, они старались трезво смотреть на вероятного противника: «Билли сказал мне, что немцы самые нравственные люди в мире, когда имеют дело с немцами, и самые безнравственные, если они имеют дело со всем остальным миром».

Эта пара любила поговорить и о «жалком невежестве наших собственных конгрессменов», шокируя их немецких друзей. Америка сохраняла нейтралитет, а манеры высших классов в Европе – и в Германии, и среди ее врагов – восхищали молодых американцев так же, как истощенных войной европейцев восхищало американское богатство. Обе стороны были очарованы друг другом. Редкое для американца пребывание в военном Берлине дало Буллиту объемное видение Европы, которого были лишены его друзья и читатели, зависевшие от своих британских и французских контактов. Возможно, именно в это время в столице воюющего и потенциально враждебного государства Буллит впервые ощутил себя членом общеевропейской элиты – ее посторонним, но желанным советником, посредником между ее конфликтующими частями, пророком ее несчастий^{10}.

В отличие от Второй, Первая мировая война не была войной идеологий. Ее сутью являлась борьба за природные ресурсы – уголь, руду, продовольствие, каучук. На деле, по крайней мере, двум участницам войны – России и Америке – их хватало; но Россия сражалась за доступ к средиземноморским проливам, видя во владении Константинополем цель русской истории, а Америка настаивала на праве контролировать Западное полушарие, хотя на него мало кто покушался. Остальные видели источник необходимых ресур-

^{10} Ernesta Drinker Bullitt. An Uncensored Diary from the Central Empires. New York, 1917, 161, 189, 163, 26, 92.

сов в африканских, южноамериканских, европейских колониях и за них-то и воевали. Американские либералы, однако, не любили колониализм европейского стиля и с основанием считали, что он ведет к войнам и разорению. Америка сама когда-то была европейской колонией, и героическая борьба с заморской метрополией стала ее великим прошлым. К власти в это время – через полвека после Гражданской войны – как раз пришли южане: Вудро Вильсон и его ближайший советник Эдвард Хаус были выходцами с американского Юга. Вильсон и Хаус видели в Гражданской войне империалистические притязания Севера, нуждавшегося в Юге как в сырьевой колонии, и нечто подобное они нашли в развивавшемся европейском конфликте. Они не возлагали вину за войну на Германию; та была не более виновна в развязывании империалистической войны, чем Британия. В этом кругу либеральных пост-имперских политиков зародилась идея национального самоопределения как универсального решения европейских проблем; с этой идеей Америка вступила в войну после того, как Германия потопила несколько американских судов и в феврале 1917-го отказалась ограничивать атаки своих подводных лодок. К тому же Германия попыталась втянуть в войну Мексику, что по мнению Америки распространяло на Новый свет империализм европейского стиля.

Объявленное в апреле 1917-го вступление США в мировую войну было связано и с революцией в России. Обще-

ственное мнение, с которым Вильсон пока еще считался, понимало войну как генеральное сражение между современными демократиями и старыми монархическими режимами. Такому пониманию мешал неуклюжий союз между демократическими государствами Западной Европы и царской Россией. Написанный в 1925-м роман Буллита «Это не сделано» сохранил память о спорах 1916 года. Главный герой, журналист филладельфийской газеты спорит с сестрой:

– Вильсон выпустил очередную ноту и я собираюсь написать о ней для утреннего выпуска...

– Что он там сказал?

– Ну она начинается примерно так: «Слова, слова, слова». Мы уже этим объелись.

– Может, этого и правда достаточно? – Элеонора рассмеялась. – Ты же не хочешь, чтоб мы на самом деле ввязались в эту войну?

– Я очень хочу. Слушай, если мы не вступим в войну, союзники проиграют. Потом настанет наша очередь.

– Чепуха!

– Нет, правда. Это наша борьба. Они сражаются за наши представления о цивилизации.

– Особенно этот истовый республиканец, царь^[11].

В романе сын главного героя еще до объявления Америкой войны сражается в британских войсках, что отчасти объясняет настроения отца. Но скоро после этого разговора сына убьют под Амьеном, а в далекой России случится Фев-

[11] William C. Bullitt. It's not Done. New York: Harcourt Brace, 1926, 253–254.

ральская революция. После нее даже консервативно настроенный госсекретарь Роберт Лансинг полагал, что Россия стала «подходящим партнером» и США могут теперь присоединиться к «содружеству демократических наций»^{12}. Поддерживая Временное правительство России, в августе 1917-го Вильсон призвал к революции в Германии, которую он представлял по образцу российского Февраля. Когда же в России случилась большевистская революция, администрация Вильсона увидела в ней, наоборот, стратегический успех противника, добивавшегося сепаратного мира с Россией. Поэтому Вильсон продолжал признавать свергнутое правительство Керенского и отказался от отношений с новым режимом.

Выйдя из войны в ноябре 1917-го, большевики обнародовали секретные соглашения, согласно которым Россия после победы получила бы Константинополь, и другие члены коалиции тоже делили бы наследство трех проигравших империй. Вильсон долгое время предпочитал игнорировать эти соглашения, будто их и не было. Со своей стороны, консервативные сторонники Антанты опубликовали документы, свидетельствовавшие о том, что большевики сделали революцию на немецкие деньги. Буллит не верил этим документам, а следовавший за ним Кеннан подробно аргументировал, как они были сфабрикованы. Но Вильсон, кажется, верил

^{12} George F. Kennan. *Soviet-American Relations, 1917–1920*. Princeton, 1956, v. 1, 14–16; Casella-Blackburn. *The Donkey*, 16–17.

им, и им верили его партнеры по Парижским переговорам; выгодный Германии Брестский мир показал им справедливость этих подозрений. Поэтому большевиков рассматривали как агентов и союзников германского правительства. Их не пригласили на переговоры в Париж, решавшие судьбы Европы и России.

Позднее, когда Буллит работал вместе с Фрейдом над биографией Вильсона, он утверждал, что империалистические цели британцев (устранение Германии из экономической конкуренции, уничтожение ее военного флота, аннексия германских колоний), а также военные цели Франции (возврат Эльзаса) и России (захват Константинополя) не соответствовали интересам Соединенных Штатов. Пока сыновья Фрейда участвовали в войне, сражаясь за Австро-Венгрию, Буллит писал сочувственные репортажи о социалистических реформах в военной Германии. Теперь Фрейд и Буллит соглашались между собой, обвиняя Вильсона в несправедливом исходе Парижских переговоров, подготовившем почву для прихода реваншистов к власти в Германии. Более того, они осуждали и само вступление Америки в Первую мировую войну, объясняя его личными фантазиями Вильсона^{13}. Обсуждая свою книгу после прихода нацистов к власти и возлагая ответственность за это на Версальский мир, они теперь сожалели о поражении Германии в Первой миро-

^{13} Sigmund Freud, William C. Bullitt. Thomas Woodrow Wilson. A Psychological Study. London: Weidenfeld, 1967, 151 (далее цитируется как FBWW).

вой войне. Если бы Америка не вступила в ту войну, всем державам Антанты пришлось бы подписать что-то вроде своего Брестского мира.

Глава 2

Полковник Хаус

В феврале 1917 года Буллит взял интервью, определившее его карьеру. На нескольких страницах «Philadelphia Ledger» Буллит подробно рассказывал об эволюции международных проектов Эдварда Хауса, ближайшего советника президента Вильсона и стратега американской администрации предвоенных лет. Обычно его называли «полковник Хаус», хотя военного опыта он не имел, а был выпускником Корнелла, владельцем хлопковых плантаций в Техасе и еще писателем, выпустившим в 1912 году фантастический роман «Филипп Дрю, администратор».

Призрак, который бродит по либеральной Европе, писал Буллит в своей статье со слов Хауса, – это страх, что война окончится союзом между Германией, Японией и Россией. Этот призрак нового тройственного союза является не просто кошмарной фантазией; по словам Хауса, которые он разрешил теперь предать гласности, то был предмет непрерывного обсуждения во всех европейских Министерствах иностранных дел. Союзники удерживали революционную Россию в войне, обещая ей Константинополь; а если, спрашивал Буллит, взять и потом отдать Константинополь у них не получится? Тогда послевоенный союз России и Германии

станет неизбежен, рассуждал Хаус, предсказывая Брестский мир. К этой «лиге недовольных» присоединится Япония, говорил он, предсказывая Пирл-Харбор. Новый союз будет направлен против Великобритании, Франции и США, и это противостояние определит ход столетия, которое, как считал Буллит, станет самым кровавым в истории человечества.

Хаус вспоминал, как он от имени администрации Вильсона пытался остановить европейскую войну, ведя переговоры с враждующими сторонами о пакте, обеспечивающем свободу морской торговли. Но гибель парохода «Лузитания», торпедированного немецкой подлодкой в мае 1915-го, остановила американское посредничество. Опубликованная накануне русской революции и незадолго до вступления США в войну, эта статья-интервью обнародовала несбывшиеся планы Хауса и его непрекращающиеся страхи. В призрачной «Лиге недовольных», описанной со слов Хауса, содержался важный подспудный мотив, толкавший Америку в войну. Она вступала в войну и для того, чтобы предотвратить союз между Германией, Россией и Японией.

Оценив молодого журналиста с его редким для американца знанием европейских языков и политики, Хаус ввел Буллита в американскую делегацию, отправлявшуюся на переговоры в Париж. По рекомендации Хауса, Буллит был принят на работу в Госдепартамент в январе 1918-го в подчинение госсекретаря Лансинга с окладом 1800 долларов в год. Располагая редким знанием Германии и проявляя особый инте-

рес к России, Буллит искренне пытался принести пользу делу мира. Для начинающего журналиста 27 лет это стало многообещающим назначением. При его многоязычном шарме и искреннем интересе к международным делам новая позиция обещала быструю карьеру. Он вполне разделял интернационалистские, леволиберальные идеи старших членов американской делегации, и прежде всего своего реального начальника «полковника» Хауса.

Хаус оставался идейным вдохновителем и спонсором Прогрессивного движения и долго поддерживал Буллита; пятнадцать лет спустя Хаус познакомит его с Рузвельтом. Человек очень влиятельный и сдержанный, скорее дипломат, чем политик, Хаус не оставил идеологических текстов, по которым можно судить о его взглядах. Его огромный дневник, изданный с уважением, подобающим этому человеку, полон сведений о его тактических начинаниях; о стратегических целях лучше судить по роману «Филипп Дрю, администратор».

Роман-утопия 1912 года рассказывает о будущем, предсказывая новую Гражданскую войну в Америке. Действие происходит в 1920-м. Герой романа Филипп Дрю наделен сверхчеловеческими способностями, которые применяет в самой значимой для автора области – политическом действии. Выпускник военной академии, Дрю возглавляет бунт против коррумпированного президента, создавшего финансовую пирамиду и обездолившего средний класс. В пока еще

свободную американскую печать попадают результаты прослушек, которые сам же президент и организовал, пользуясь новой техникой, и это становится последней каплей, разжегшей восстание. В первом же сражении Филипп Дрю одерживает решающую победу над президентскими войсками, занимает Вашингтон, приостанавливает Конституцию и объявляет себя Администратором.

Методы правления героя романа соответствуют социалистическим идеям автора: он вводит прогрессивный налог, доходящий до 70 % для богатых, и перераспределяет средства в пользу неимущих, надеясь этим ликвидировать безработицу; законодательно ограничивает рабочий день и рабочую неделю; требует доли трудящихся в прибылях и их участия в правлении корпораций, но лишает их права на забастовку; заменяет систему разделения властей несколькими чрезвычайными комитетами, куда сам назначает людей по критерию «эффективности»; уничтожает самоуправление штатов, находя его неадекватным эпохе телеграфа и паровоза. Одновременно он вводит всеобщее голосование, особо заботясь об избирательных правах женщин; предоставляет пенсии престарелым, субсидии фермерам и наконец, обязательное медицинское страхование для всех работающих; борется с торговым протекционизмом и таможенными тарифами, особо заботясь о свободе морской торговли.

Во внешней политике Дрю начинает новую войну в Мексике, собираясь распространить свое правление на всю Цен-

тральную Америку и втянуть европейские державы, включая Германию, в систему торговых союзов, которые предоставят им доступ к колониальным ресурсам и снимут напряжение, ведущее к войне. Как роман сочинение Хауса не имело успеха; и правда, по сюжету и стилю оно похоже на философские романы прямолинейного XVIII века, как будто автор не читал даже Руссо (хотя он наверняка читал Ницше и Маркса, пусть в пересказах).

Хаус достиг вершины карьеры к концу Первой мировой войны, а потом прожил долгую жизнь и умер накануне Второй мировой войны. Он, наверно, не раз думал о том, в чем он ошибся в давнем романе и в чем оказался прав. Политическая программа его героя сенсационна; совмещая несовместимое, она поражает читателя XXI века. Начинания столь прогрессивные, что некоторые из них до сих пор остаются пределом американских мечтаний, сочетаются с мрачным циничным авторитаризмом.

Изумляет то, что Хаус, который всего пару лет спустя будет следить за течением Мировой войны и потом влиять на ее исход, не предвидел природы этой войны, но судил о ней, как водится, по образцу прошедшей. Он проницательно рассуждал, однако, о другом аспекте войны, который окажется очень важным: о моральной справедливости и стратегической необходимости щедрого обращения с побежденным противником. После своей победы американский Север оставил Юг самой нищей и необразованной ча-

стью страны, и это было несправедливо: «Хорошо информированные южане знают, что за поражение их заставили заплатить такой штраф, какой в новые времена никто и никогда не платил». И дальше Хаус рассуждал о контрасте с англо-бурской войной; там «по окончании долгой и кровавой войны Англия предоставила побежденным бурам огромный грант, который помог им восстановить порядок и благополучие в их потрясенной стране». В этом контексте Хаус писал о том, что премьер-министром нового государства с согласия англичан стал генерал проигравшей стороны Луис Бота, а в США после Гражданской войны на президентском посту не было южанина. Вильсон, который стал первым президентом-южанином за полвека, а на момент публикации «Дрю» был губернатором Нью-Джерси и обдумывал свои президентские шансы, должен был внимательно читать эти рассуждения.

Среди позднейших фигур XX века Дрю немало походит на Ленина, но поскольку он не ставит своей задачей ликвидировать капитализм, а скорее подчиняет его своим имперским идеям, приходится вспомнить Муссолини. Но автор никак не осуждал своего героя, и текст начисто лишен иронии; его роман выражает искреннюю неудовлетворенность демократией, столь же искреннее преклонение перед прогрессом и еще наивную веру в сверхчеловека, который и в политике сможет сделать то, чего никогда не удастся простым людям. Отражая американский, чуждый всякой ми-

стики и сугубо политический вариант соединения нищезанятости с социализмом, этот роман невозможно представить себе написанным даже несколькими годами позже, после революции в России или даже после начала войны в Европе. Анализируя отношения Вильсона и Хауса в своей психобиографии Вильсона, Буллит и Фрейд подчеркивали влияние Хауса. Ставший внешнеполитическим советником Вильсона, а потом и фактическим главой его второй кампании в 1916 году, он долгое время, вплоть до Парижских переговоров, не имел соперников по части доступа к президенту. Вильсон слушал советы Хауса и через некоторое время искренне считал их своими собственными суждениями, возвращая их в этом виде Хаусу, а тот принимал и культивировал такие отношения. Некоторые из экономических нововведений Вильсона – самая успешная часть его президентства – повторяли, хоть и в ослабленной форме, идеи Хауса, которые он когда-то приписал Дрю. В своей книге Фрейд и Буллит утверждали значение романа Хауса для политики Вильсона: «Законодательная программа Вильсона, проведенная с 1912 по 1914 годы, в значительной части была программой книги Хауса "Филипп Дрю, администратор"... Эта внутривластная программа принесла замечательные результаты, и к весне 1914 года внутренняя программа "Филиппа Дрю" была в основном осуществлена. Международная программа "Филиппа Дрю" оставалась нереализованной... Вильсон не интересовался тогда европейскими де-

лами»^{14}. Известно, что роман Хауса читал Вильсон; очевидно, что его читал и продолжал помнить о нем много лет спустя Буллит; мне кажется маловероятным, чтобы его когда-либо читал Фрейд. Однако влияние литературного текста на политические решения не казалось основателю психоанализа чем-то странным или, тем более, невероятным.

В романе Хауса, когда герой-администратор осуществляет свои планы, он решает уйти со сцены, чтобы не стать пожизненным диктатором. Дрю и здесь все отменно придумал: его с верной подругой на калифорнийском побережье ожидает океанская яхта, которая отвезет их... куда? В этот последний год службы Администратором Дрю изучает «один славянский язык» и даже учит ему свою подругу, которая до поры не понимает смысла этого занятия. Вместе с путешествием через Тихий океан эта деталь намекает на то, что Дрю теперь отправился повторять свои подвиги в России. Пять лет спустя, руководя составлением тезисов «Четырнадцать пунктов», ставших ключевым документом американской программы мира, полковник Хаус вставит в него знаменитое сравнение России с «пробным камнем доброй воли».

Политическая утопия Хауса отчасти следует за более ранним и куда более успешным романом Эдварда Беллами «Через сто лет» (*Looking Backward*, 1887); но Хаус был практическим политиком, и его рецепты гораздо конкретнее.

^{14} Ibid, 132.

Его роман интересно читать, зная лидирующую роль, которую позднее сыграл ее автор в демократических администрациях от Вильсона до Рузвельта. Это роман-памфлет, содержание которого сводится к искреннему неприятию демократической политики, даже страстному разочарованию в ней. Администратор Дрю написан как американский Заратустра, только область его компетенции перенесена из эстетики в политику. За этим стоит мечта о преодолении демократической политики примерно таким же способом, каким Ницше преодолевал природу человека: путем конструирования ирреальной, но желаемой сущности – сверхчеловека, сверхполитики – без рецепта осуществления этой мечты. Сама мечта, однако, была характерна для элитарного круга экспертов, профессоров и джентльменов, из которого демократические администрации черпали внешнеполитические кадры.

В середине 1930-х годов Джордж Кеннан – протеже и ученик Буллита, который был протеже и учеником Хауса – писал похожий утопический текст об изменении американской конституции с тем, чтобы наделить культурную элиту особыми политическими правами и на этой основе перейти к авторитарному правлению. Проект остался незаконченным; автор, в то время кадровый американский дипломат, не стал его публиковать. Однако его идеи не были секретом от коллег. В 1936 году он писал Буллиту о необходимости создания в США «сильной центральной власти, гораздо более силь-

ной, чем позволяет это нынешняя конституция»^{15}.

Вильсон и его окружение переосмыслили германское понятие идеализма, приспособив его к политической жизни Америки. Они верили в превосходство западной цивилизации, в универсальную силу их собственных моральных идеалов и в то, что в XX веке прогресс всего человечества повторит демократическое развитие Америки после Гражданской войны. Эти идеи разворачивались в международную политику, которая утверждала новую «прогрессивную» и «идеалистическую» повестку дня: самоопределение народов в Европе, деколонизацию Азии и Африки, строительство демократических государств и включение их в глобальные организации, подчиняющиеся международному праву. Вильсоновские идеалисты не любили европейский империализм и не считали, что Америка конкурирует с Германией, Британией или Россией за создание собственной империи. Но признание ими национализма политической силой и поощрение национального самоопределения сочеталось у них с восприятием американской демократии как всеобщего образца, который подходит к условиям любого национального государства, хотя и допускает декоративные вариации, сочетаясь, к примеру, с монархией на Британских островах. От идеализма Вильсона шел прямой путь к либеральному универсализму американской политики времен Холодной войны

^{15} John Lewis Gaddis, George F. Kennan. *An American Life*. New York: Penguin, 2012, 111–114.

и потом к неоконсерватизму начала XXI века; в кабинете Никсона в Белом доме, к примеру, висел портрет Вильсона. Политическому идеализму противостояла другая система рассуждений – политический реализм. Он признавал непримиримость национальных интересов, которые противостояли и противостоят друг другу с позиций силы, и эти противоречия не могут быть разрешены на основе разумного согласия. Неудачи Версальского мира, неспособность Лиги Наций предотвратить Вторую мировую войну, десятилетия силового противостояния сверхдержав определили послевоенные победы политического реализма. Но американские политики и дипломаты не забывали своего идеалистического наследия ни в эпоху Холодной войны, ни после ее завершения.

Подлинный создатель политического идеализма, Хаус был озабочен и вполне земными делами. Как и многие другие, он был склонен к продвижению в администрацию родственников и друзей, что обычно в политике, но – по контрасту с кристально честным Вильсоном – бросалось в глаза. Коллегию из 150 американских профессоров, которые сформулировали и согласовали «Четырнадцать пунктов», возглавлял родственник Хауса. В американской делегации, отправившейся во Францию вести мирные переговоры, намечался конфликт: Вильсон запретил членам делегации брать с собой жен, но уже на борту парохода «Джордж Вашингтон» ему пришлось встретиться не только с женой Хауса,

но и с женой его сына, которого Хаус к тому же навязывал Вильсону в секретари. Потом госсекретарь Лансинг, постоянный оппонент Хауса, обвинял его в создании «секретной организации» внутри администрации Вильсона, которая превратила американскую делегацию на Парижской мирной конференции в закрытый клуб, полный тайн и заговоров^{16}.

На деле, однако, президента Вильсона сопровождала огромная делегация, самая большая из национальных делегаций на помпезной Парижской конференции. Она включала, в частности, профессоров-экспертов из созданного Хаусом уникального института, прообраза современных think-tanks («мозговых центров»), который назывался «The Inquiry». Идеи этого института определили центральные из знаменитых «Четырнадцать пунктов» Вильсона, с которыми Америка вступила в войну. Принцип самоопределения наций принадлежал самому Вильсону, но его реализация требовала детального знания Европы, которым в Америке располагали только профессора. Сам профессор, Вильсон понимал это и говорил бывшим коллегам: «Скажите мне, что справедливо, и я буду бороться за это».

Исполнительным директором «The Inquiry» был еще один молодой и амбициозный журналист-интеллектуал, в будущем критик и соперник Буллита, Уолтер Липпман. Кончивший Гарвард в одном выпуске с Джоном Ридом и знаме-

^{16} Запись Буллитом его беседы с Лансингом после отставки, 19 мая 1919, ВС 112/П/110/376.

нитым впоследствии поэтом Т. С. Элиотом, Липпман был создателем гарвардского Социалистического клуба, а потом знаменитого журнала «The New Republic». После Хауса никто не внес большего вклада в формулировку интеллектуальной программы Прогрессивного движения в Америке, чем Липпман. Учившийся в Гарварде у лучших американских философов Уильяма Джемса и Джорджа Сантаяны, Липпман отверг ключевую идею демократической теории, что здравый смысл простого человека ведет к общественному благу, а задача политических институтов состоит в том, чтобы учесть разнообразие голосов простых людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания